

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ТЕКСТА КАК ДЕРИВАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

Предлагается описание внутренней формы текста как деривационного феномена, имеющего пропозициональную организацию. Под внутренней формой текста понимается предтекст, предвосхищающий конечный образ текста как цельнооформленной сущности. Деривационный потенциал внутренней формы текста обусловлен ее бесконечной формально-смысловой валентностью. На конкретном эмпирическом материале иллюстрируются особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста и пропозициональной методики его описания. Представлено описание цепочечной деривации текста, при которой каждый последующий текст мотивируется предыдущим.

Ключевые слова: внутренняя форма текста; деривационная текстология; деривация текста; пропозициональная методика; пропозиция.

Исходной посылкой настоящей работы послужило положение, согласно которому любая единица языка обладает деривационно-мотивационным потенциалом, проявляющимся в ее способности служить источником и объектом деривационно-мотивационных процессов, вследствие чего процесс создания речевых единиц предстает как процесс их развития («продления») в едином коммуникативно-речевом пространстве. Такой подход к языковым единицам представлен в работах по деривационной грамматике, исходящей из факта универсальности принципа деривации, его приложимости к единицам различных языковых уровней – от фонемы до текста [1. С. 3]. Проблематика данной статьи вписывается в русло деривационной текстологии, предмет изучения которой – деривационное функционирование текста, обусловленное его включенностью в непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Движущими силами этого процесса являются внутренние потенции языко-речевой материи (об этом см. подробнее в [2, 3]). В фокусе нашего внимания – проблема деривационного развития текста как компонента коммуникативной ситуации, структурообразующими элементами которой, наряду с текстом, являются референтная ситуация, адресант и адресат. Обозначенная проблема давно привлекает внимание лингвистов, исследовательский интерес которых сосредоточен на выявлении факторов, оказывающих влияние на результат деривации текста и его (результата) описание, а именно: на выявлении и описании деривационных трансформаций (преобразований) текстов, детерминируемых либо со стороны их имманентной структуры, либо со стороны субъекта речи [4–6]; на взаимодействии текстовой деривации с другими языковыми уровнями: лексическим [2, 7–9] и синтаксическим [4]. Признавая суппозиционный характер текстообразования, исследователи, однако, не дают ответ на вопрос, какова роль суппозиций в этом процессе, каков их онтологический статус и пр.; иными словами, не описывают действие механизма, обеспечивающего деривационную жизнь текста и выполняющего функцию «генератора» его деривационной энергетики. Решение этой задачи, т.е. выделение единиц, реализующих деривационный потенциал текста и позволяющих адекватным образом описать данный процесс, составляет предмет настоящей статьи.

Постановка проблемы

Актуальным для нас является положение, согласно которому текст, как и любая единица языка, является

единицей двусторонней, обладающей формой и содержанием, причем формальная сторона образуется совокупностью внешней и внутренней форм, имеющих функциональную обусловленность. Так, внешняя форма реализует внутренние свойства языка в определенной внешней среде¹ (внешняя функция языка), а внутренняя форма ориентирована на организацию внешней формы и внутреннего содержания в единое целое (внутренняя функция языка)². Проецируя сказанное на текст как языковую единицу, заметим, что функциональность внешней формы текста наблюдается в актах коммуникации и связывается с реализацией спектра частных коммуникативных функций, выделенных Р.О. Якобсоном [14], а функциональность внутренней формы проявляется в процессе генезиса текста – как первичного, так и вторичного. Далее мы исходим из мысли о том, что носителем и источником деривационного потенциала текста является его внутренняя форма, под которой предлагаем понимать ментально-языковую сущность, имеющую пропозициональную организацию и являющуюся представителем текста в единстве его формальной и содержательной сторон, т.е. свернутым текстом, предтекстом, с опорой на который «разворачивается» текст в актах речевой деятельности и предопределяется (предвосхищается) его конечный образ как цельнооформленной сущности. Представительность как ведущее свойство семиотической системы в целом и языковой в частности здесь выполняет особую роль, определяемую не системно-структурным и антропоцентрическим подходами, согласно которым языковой знак рассматривается как условный представитель денотативной области [15] или концептуальной сферы [16–18], а подходом, в соответствии с которым актуализируется потребность выявления представителя самого языкового знака в актах его функционирования (производства / воспроизводства).

В лингвистической литературе уже давно отмечается, что способность представлять единство формы и содержания – конститутивное свойство языкового знака (см., например, [19, 20]). Кроме того, утверждается, что сам факт связи означаемого и означающего обусловлен внутренней формой языковых единиц, обеспечивающей их взаимомотивированность. Не оспаривая данный тезис, заметим, что в лингвистических работах при обсуждении данной проблемы речь преимущественно идет о способности внутренней формы языковой единицы представлять единство формы и содержания уже готовой единицы (ср. в этой связи с корреля-

цией понятий «внутренняя форма» и «структурно-семантическая соотнесенность»), тогда как мы исходим из гипотезы о способности внутренней формы языковой единицы предвосхищать единство формы и содержания самой языковой единицы («языковой единицы в будущем») на различных этапах ее генезиса – первичного или вторичного. При таком подходе создание языковой единицы предстает как акт ее предвосхищения суппозиционной основой – внутренней формой. Подобное понимание внутренней формы не является новаторским, оно соответствует концепции В. фон Гумбольдта: по словам Г.В. Рамишвили, интерпретирующего концепцию внутренней формы языка В. фон Гумбольдта, для последнего внутренняя форма «является внутренней формой именно языка, а не внеязыкового содержания» [21].

На конкретно-исследовательском уровне положение о суппозиционной основе внутренней формы доказывают работы, выполненные в русле деривационной лексикологии, в рамках которой внутренняя форма слова рассматривается как носитель потенциала его деривационного развития [2, 22]. Что касается внутренней формы текста как носителя потенциала его деривационного развития, то в настоящее время в лингвистике имеются лишь отдельные наблюдения по этому вопросу (см., например: [23, 24]). Хотя еще А.А. Потебня говорил о том, что внутренняя форма языковой единицы, в том числе и текста, предстает не в качестве образа предмета (ситуации), а в качестве «образа образа», т.е. представления [25. С. 117], по сути, представителя (образа) будущей единицы. Значимым здесь оказывается соотношение части и целого, где часть предстает не как составной элемент системы, а как образ будущего целого. В философии соотношение части и целого решается диалектично: «Целое порождается целым посредством частей. Одна из частей, будучи непосредственно связанной не только с одним целым, но и с другим, в силу каких-либо условий приобретает тенденцию к выходу за пределы исходного целого и к преобразованию себя и всего целого. Итак, целое порождается целым посредством частей» [26]. При этом утверждается, что «часть несет на себе черты его (целого. – *Н.Ш.*) качественной определенности» [Там же]. Триада «целое – часть – целое», где часть уже не часть и еще не целое, а будущее (качественное) целое в рамках поднимаемой в статье проблемы приобретает особую значимость, позволяя представить процесс текстообразования как предвосхищение целостной сущности – текста – за счет развития ее части – внутренней формы текста – как относительно независимого целого.

В отличие от сложившегося в лингвистике представления, согласно которому внутренняя форма есть статичное (структурно-семантическое) образование, мы исходим из мысли о динамичности (= приоритетности) внутренней формы как энергетического начала, организующего обозначаемое и означающее в их единстве. Уместно привести здесь мысль В. фон Гумбольдта: «Первоначально, находясь в сфере незримых движений духа, нельзя никоим образом, имея в виду звук и требования внутренних целей языка, отделять друг от друга обозначающие силы и силы, создающие обозначае-

мое. И то и другое объединяется и охватывается общей языковой способностью» [21. С. 98]. Внутренняя форма текста предстает как механизм такого соединения, проявляющийся в стремлении одного плана к взаимосоответствию с другим при их реализации: в процессе порождения текста (первичный генезис) форма стремится к содержанию, а в процессе восприятия текста (вторичный генезис) направление детерминации обратное – от формы к содержанию. В этом случае текст предстает как единица, детерминированная исходными формально-смысловыми суппозициями. В самом общем виде такая база и составляет суть внутренней формы текста. Развиваемое в работе понимание внутренней формы текста согласуется с положениями дериватологической концепции описания языка, отличающейся от имманентоцентрической, в основе которой лежит тезис Ф. де Соссюра о независимости языка от условий его использования и, как следствие, признается независимость текстообразования от внешних факторов [19], и антропоцентрической, основывающейся на положении о том, что процесс порождения текста является следствием активности субъекта речевого акта. Дериватологическая модель языка исходит из тезиса о наличии в последнем (языке) специфического образования, организующего взаимодействие внутренних (фактор языка) и внешних (фактор речевой деятельности) детерминант [3, 27], вследствие чего текстообразование предстает как процесс развития («продления») текста – как результат реализации его деривационных свойств, носителем которых, с нашей точки зрения, как раз и является внутренняя форма текста.

Деривационная сущность внутренней формы текста (к вопросу о билатеральной природе внутренней формы текста)

Признание деривационной функции внутренней формы текста сопряжено с осознанием ее самостоятельного статуса как билатеральной сущности, обладающей формой и содержанием и, как следствие, функциональной нагрузкой: синтезируя свойства «интеллектуального содержания» и внешней формы, она предстает как «нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых» [21. С. 107] (ср. также с высказыванием В.В. Библихина, согласно которому внутренняя форма предстает «как начало организации и звуковой материи знака, и его семантики в цельный образ» [28. С. 62]). Аналогичный, т.е. основанный на признании билатеральной природы внутренней формы, подход к рассмотрению анализируемого языкового феномена предложен О.И. Блиновой, исследующей явление мотивации слов, в [29]. Внутренняя форма текста рассматривается нами как языковой знак, деривационный потенциал которого обусловлен его бесконечной формально-смысловой валентностью и состоянием «неустойчивого равновесия» (С.О. Карцевский) между означаемым и означающим. В этом смысле внутренняя форма задает общий принцип моделирования асимметрии языкового знака – способ соотнесения означаемого и означающего, вследствие чего возможно говорить о различных типах (вариантах) организации речевой деятельности на ее глу-

бинном уровне. При таком подходе роль внутренней формы текста подобна суперсегментным единицам, задающим способ прочтения означаемого и означающего и накладывающим на них свою «переозначающую печать» [30. С. 83–84]. Методологической посылкой заявленного подхода является признание разноаспектного – тройкого – представления (в гносеологическом плане) какого-либо явления: как вещи, как свойства и как отношения: «Когда предмет выступает как что-то самостоятельное, выделенное среди многообразия других явлений, мы называем его вещью. Если же этот предмет рассматривается как что-то принадлежащее другому предмету, он выступает как свойство. И, наконец, если тот же предмет выступает как что-то объединяющее в совокупность, множество других явлений, он будет отношением» [31. С. 179].

В лингвистике внутренняя форма нередко рассматривается либо в аспекте «свойство» – как принадлежность языку в целом и языковым единицам в частности (детально разработан аспект «внутренняя форма слова», см., например, [21, 25, 32, 33]), либо в аспекте «отношение», в последнем случае признается факт «существования» внутренней формы только в (взаимо)отношениях формы и содержания [29]. Рассмотрение внутренней формы в аспекте «вещь» предполагает выделение существенных – субстанциональных и значимостных – характеристик явления, позволяющих дифференцировать его в ряду других смежных с ним явлений.

Что представляют собой составные части – «форма» и «содержание» – внутренней формы текста и каков характер их взаимоотношений? Для обозначения составных частей внутренней формы текста мы предлагаем использовать следующие термины: для отражения содержательной стороны – *пропозициональное содержание*, для соответствующей ей формы – *пропозициональная форма*. Далее мы исходим из того, что содержание внутренней формы представляет собой совокупность смысловых сфер (субъект, объект, результат и пр.), отражающих весь комплекс потенциальных аспектов ситуации и задающих общее направление процессов смыслообразования, получающих конкретизацию на языко-речевом (текстовом) уровне. В процессе порождения текста представленные во внутренней форме смысловые сферы динамизируются, вследствие чего в выражаемом содержании расставляются значимые для носителя языка акценты и, как следствие, «ударные» – в ментально-коммуникативном плане – смысловые сферы получают языко-речевую репрезентацию. Так, к примеру, в результате проведенного нами эксперимента, предполагающего написание сочинений по картине В.А. Серова «Девочка с персиками» [34], было выявлено, что носители языка демонстрируют различное качество коммуникативного освоения внеязыковой ситуации: в одних текстах актуализируются такие смыслы, как субъект-агенса (девочка, изображенная на картине, производит действие), а в других текстах – такие смыслы, как каузатив (девочка – причина появления ряда событий), пациенс (девочка – объект внешнего воздействия со стороны других участников внеязыковой ситуации) и пр.

Выделение и осознание пропозиционального содержания в «составе» внутренней формы находит подтверждение также в мысли о том, что в семантической

структуре текста можно выделить два вида «значений» – коммуникативно-прагматическое, ориентированное на адресата и «вычисляемое» им, и «упакованное» в нем (коммуникативно-прагматическом значении) пропозиционально-семантическое, соотносящее высказывание с референтной ситуацией и ее содержанием и обеспечивающее, с одной стороны, относительный изоморфизм высказывания и ситуации, а с другой – процесс «адекватного» (в плане соотнесенности общей «ситуации мира») восприятия текста адресатом (см., например, [35]). Сказанное согласуется с положением о дуалистической природе языкового знака, проявляющейся в его способности к денотации (референции) и сигнификации, которая, кстати сказать, обусловлена такими антиномическими свойствами языкового знака, как генетическая мотивированность и синхронно-функциональная произвольность (условность). Что касается пропозициональной формы, то она задает способ выстраивания отношений между смысловыми сферами пропозиционального содержания, своего рода коммуникативный ракурс будущего высказывания (конечный образ высказывания), порождение которого осуществляется по линиям семантики, синтактики и прагматики, что согласуется с семиотической природой языка в целом и языкового знака в частности.

Подчеркнем, что идея о пропозициональной организации внутренней формы языковых единиц для лингвистики не нова: подобного рода идеи высказываются и в рамках пропозиционального направления в дериватологии (словообразовании), связанного с именами Е.С. Кубряковой, М.Н. Яценецкой, Л.А. Араевой и др. Ср. с высказываниями: «производное должно соотноситься не с тем или иным конкретным предложением или синтаксическим оборотом, а с глубинной пропозицией, которая, в свою очередь, может получить синтаксическое (и добавим – текстовое. – *Н.Ш.*), морфологическое или лексическое выражение» [36. С. 9], причем глубинная пропозиция, являясь, по сути, мотивирующим суждением и обладая самостоятельным статусом, получает свое формальное воплощение в процессе текстовой актуализации ее актантно-предикативной структуры (см., например, [37]); «морфологическая структура производного является целостным отображением структуры ситуации, как ее представляет себе говорящий» [38. С. 4–5]; «Словообразовательные цепочки представляют собой последовательное “раскрытие” элементов ситуации, например: предикат – субъект – место: печь – пекарня – пекарня; объект – субъект – место: овцы – овчар – овчарня и т.д.» [37. С. 123].

Обобщая сказанное, заметим, что самостоятельность внутренней формы текста служит лишь предпосылкой (условием) деривационного развития текста, тогда как деривационный потенциал внутренней формы текста определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условнотехнической) природой. Антиномическая природа внутренней формы текста обнаруживается в том, что она является одновременно и текстовым и внетекстовым элементом. Поскольку она обладает значением, она не может быть внетекстовым элементом, она всегда «текстна». Но поскольку в данном тексте она выступает как представитель текста, она не может быть только тек-

стовым элементом, она внетекстна. Чтобы разрешить противоречие между текстовой и внетекстовой сущностью, внутренняя форма должна постоянно вовлекаться в процессы текстообразования: оказавшись компонентом текста, она стремится выйти за его пределы, стать его представителем в «новом» тексте. Таким образом деривационная сущность внутренней формы текста проявляется в ее способности служить опорой (и в то же время источником) для деривационных процессов, обеспечивая преемственность между «данным» и «новым», где «новое» есть содержание интенции, являющееся стимулом для создания говорящим высказывания» [3. С. 66].

О реализации деривационного потенциала внутренней формы текста

Ретроспективный и перспективный аспекты деривации текста. В лингвистике уже предпринимались попытки описания деривации текста с опорой на его внутреннюю форму. Однако в работах исследователей внутренняя форма текста предстает, скорее, как единица гносеологического типа, позволяющая адекватно представить процесс деривации текста, чем онтологического. Так, к примеру, в работе Н.Д. Голева и Н.В. Сайковой внутренняя форма текста используется в качестве объяснительного принципа при деривационной интерпретации вторичных текстов – установлении возможных степеней деривационности текста [23]. В статье С.В. Ионовой, в методологическом плане являющейся продолжением идей Н.Д. Голева и Н.В. Сайковой, внутренняя форма текста становится «свидетельством тождества, генетического единства соотносимых текстов» [24. С. 14]. Согласно нашему подходу, внутренняя форма текста является единицей онтолого-гносеологического типа; это в целом не противоречит, а напротив, соответствует современным представлениям о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии. Тезис о диалектическом взаимодействии языковой онтологии и гносеологии доказывает Н.Д. Голев, рассматривая его проявление при исследовании метаязыкового сознания, которому придает онтолого-гносеологический статус [39]. Представляя процесс деривации текста, лингвисты, как правило, описывают его в направлении от производного текста к тексту-основе (*ретроспективный подход*), что предполагает выявление характера и результатов внутритекстовой и межтекстовой деривации, установление генетического единства текста-основы и его деривата [4–6]. Основной аспект заявленного нами подхода связан с исследованием проблемы деривации текста в направлении от текста-основы к его деривату (*перспективный подход*). Иными словами, нас интересует детерминация не прошлым, а будущим. Так, деривационное развитие текста находит выражение в его диктумно-модусном продлении, где диктумная составляющая коррелирует с содержанием внутренней формы, а модусная – с собственно формой.

Абсолютный и относительный планы деривации.

В рамках перспективной деривации наблюдается процесс функционально-семантического (формально-семантического) продления текста-основы в речевой деятельности носителя языка, имеющей дело, как мы

уже отмечали, не с текстом, а с его представителем – внутренней формой. В процессе порождения текста внутренняя форма предстает как предтекст, предвосхищающий разворачивание текста в единстве его формальной и содержательной сторон как цельной семиотической сущности по линии «знак – референт», «знак – знак», «знак – интерпретатор», в последнем случае речь идет о субъективной и прагматической модальности. А в процессе рецептивной текстопорождающей деятельности адресата внутренняя форма обеспечивает диктумно-модусное «продление» текста как цельнооформленной единицы (ср. с высказыванием Г.Г. Шпета: «Что касается смысла, который заключается в словесном выражении данной вещи, то он нами постигается, уразумевается через внешние формы словесного выражения, в *собственных самодетельных логических формах, которые и должны рассматриваться как внутренние формы слова*» (выделено мной. – Н.Ш.) [40. С. 82].)

С нашей точки зрения, сказанное справедливо и по отношению к внутренней форме текста как объекту и в то же время субъекту речепорождения адресата (об интерпретационном функционировании текста в пространстве адресата см. в [41]). При интерпретации текста языковой личностью его развитие осуществляется по линии «знак – интерпретатор», т.е. по линии прагматики. Отметим, что процесс создания текста характеризуется *абсолютным планом деривации*, а процесс его речевой интерпретации – *относительным планом деривации*. Представляется уместным подчеркнуть, что деривация и интерпретация текста – хотя и взаимосвязанные, но не тождественные процессы, разница между ними определяется соотношением двух базовых речевых функций – когнитивной и коммуникативной. В этом смысле деривация есть коммуникативный процесс («Понятие “деривация” <...> используется в его самом широком смысле как образование текста (Т-2) от текста (Т-1)» [23]), а интерпретация – когнитивный («Интерпретация представляет собой когнитивную (ментально-языковую) деятельность, сущность которой заключается в смыслосчитывании, или распределении, и смыслопостроении, или опредмечивании» [42]). Признавая общую коммуникативную направленность речепорождения, далее мы исходим из приоритета деривационных процессов по отношению к интерпретационным, полагая, что последние служат предпосылкой для осуществления актов коммуникации. Основанием сказанного может служить факт внутренней речи как речи звучащей, но не озвученной.

Деривационный вариант текста как реализация его деривационного потенциала. Проблема деривационного развития текста непосредственно связана с проблемой соотношения таких понятий, как *тождество текста* и его *варианты*. «Наивное восприятие склонно смешивать равенство с тождеством, между тем тождество не исключает многообразия, а напротив, предполагает его. Тождество – это единство в многообразии одного» [43. С. 48]. Как и любая единица языка, текст, с одной стороны, является абстрактной структурой, инвариантом, а с другой стороны, имеет варианты, реализующиеся в речи в виде множества экземпляров. Зародившись в русле фонологии, вариантно-инвариантный под-

ход позже был перенесен на единицы других уровней языка и прежде всего на единицы лексического, словообразовательного уровней, реже – на единицы синтаксического уровня. Так, В.В. Виноградов, дифференцируя слова и лексемы, положил начало изучению вариантов слова как результата варьирования лексических форм [43]. Им выделены: 1) синтетические и аналитические формы словоизменения; 2) фонеморфологические варианты слова; 3) этимологические варианты слова; 4) лексико-стилистические варианты; 5) лексико-синтаксические варианты; 6) лексико-фразеологические варианты [Там же. С. 35–48]. В рамках деривационной лексикологии становится возможным говорить о деривационном слове и вариантах его реализации – деривационных вариантах слова (см. [44]). Что касается понятия *вариант текст*, то оно является малоразработанным в собственно лингвистическом плане, хотя широко используется в текстологии как обозначение версии литературного произведения, отражающей один из этапов работы автора над ним. В лингвистической литературе под вариантом текста чаще всего понимают текст, который соответствует не всем признакам текстuality [45] (ср., например, тексты-примитивы и пр.). В работах Л.Г. Ким обосновывается возможность наличия *смысловых вариантов текста*, связанных с его функционированием в пространстве адресата [41]. Как видим, в лингвистике изучение вариантов текста связывается со смысловой (содержательной) стороной языковых единиц.

Согласно развиваемому нами подходу о приоритетности формы в актах текстообразования, мы считаем возможным говорить о вариантах текста как результате варьирования его форм, связанных с реализацией внешней или внутренней функции языка. Отсюда становится возможным дифференцировать *фонетические варианты текста*, специфика которых обусловлена расстановкой интонационно-мелодических акцентов в тексте; *стилистические варианты текста* как совокупность признаков, связанных с его употреблением в той или иной внешней среде; *жанровые варианты текста*, связанные с наличием в языке различных моделей говорения и письма, модификацией структуры жанра и пр. Перечисленные варианты текста связаны прежде всего с реализацией внешней функции языка. Для описания версий деривационного развития текста, связанного с реализацией внутренней функции языка, мы предлагаем использовать термин *деривационный вариант текста*, отражающий факт его формально-семантического «продления» в актах коммуникации и подчеркивающий актуальный статус внутренней формы текста, а для описания инварианта деривационного развития текста – термин *деривационный текст*, который подчеркивает виртуальный статус внутренней формы.

О внешней реализации деривационного потенциала внутренней формы текста. Реализация деривационного потенциала внутренней формы текста наблюдается в актах коммуникации, когда у носителя языка возникает потребность языкового обозначения «проходящего через сознание – порождаемого <...> – в данное время текста» [46. С. 6]. В каком виде реализуется внутренняя форма текста? Рассматривая внутреннюю форму в аспекте «вещь», мы исходим из мысли о ее (внутренней формы) несовпадении с внешней фор-

мой текста, т.е. со звуковой (графической) материей. С нашей точки зрения, внешним проявлением внутренней формы текста является его лексико-семантический план. В лингвистической литературе уже давно отмечается факт деривационной корреляции слова и текста, сущность которой проявляется в способности слова служить свернутым текстом, или, по образному определению М.М. Бахтина, «аббревиатурой высказывания» [47]. Можно предположить, что характер организации речевой деятельности будет зависеть от «статуса» ключевого слова: к примеру, если в статусе ключевого слова выступит образное слово, то характер организации текста будет одним, если в статусе ключевого слова выступит «денотативное» слово, то характер организации текста будет другим.

В актах восприятия и порождения текста носитель языка сначала выбирает ключевое слово, совокупность ключевых слов, являющихся для него представителем текста и служащих в дальнейшем опорой при разворачивании текста: выбранное слово вступает в синтагматические отношения, обуславливая ассоциативные сцепки слов – появление коммуникативных фрагментов. Роль внутренней формы в этом случае проявляется в структурировании ассоциаций, составляющих основу коммуникативных фрагментов, рассредоточении их по функциональным позициям (объект, субъект, результат и пр.) и придании им определенного коммуникативного ракурса по линии семантики, синтактики и прагматики. Признание внешней реализации внутренней формы, наряду с имманентно присущей ей пропозициональной формой, не противоречит, а напротив, соответствует современным представлениям об эффекте «удвоения формы», открытым Гегелем: форма одновременно содержится в содержании, и представляет собой нечто внешнее ему. В первом случае речь идет о внутренней организации содержания, а во втором – о способе существования и выражения содержания. В этом смысле «форма внутренней формы» – лексико-семантическое пространство текста – выступает как что-то несущественное само по себе, как проявление более важного содержания (о соотношении формы и содержания в философском плане см. в [31]).

Пример реализации деривационного потенциала внутренней формы текста и пропозициональной методики ее описания. Проиллюстрируем особенности реализации деривационного потенциала внутренней формы текста как объекта и в то же время субъекта рецептивной текстопорождающей деятельности адресата на примере бытового диалога. Такой выбор эмпирического материала обусловлен тем, что в диалогах изначально заложены деривационно-мотивационные отношения между репликами коммуникантов – адресанта и адресата. По мысли Г.В. Колшанского, диалог «есть не что иное, как звено потенциально бесконечного процесса общения между людьми» [48. С. 39]. При этом каждая реплика рассматривается нами как самостоятельный текст. (Ср. с позицией М.М. Бахтина, согласно которому граница текста определяется сменой субъекта речи [47].) Реплики диалога рассматриваются нами как тексты-примитивы. Л.В. Сахарный отмечает: «Тексты-примитивы, несмотря на “экзотичность” их структуры с точки зрения нормоцентрической лингвистики, представ-

ляют собой вполне естественные результаты работы механизма порождения речи. В них реализуются все основные характеристики текста, которые и позволяют с его помощью осуществить акт коммуникации» [49]. К текстам-примитивам исследователь относит отдельные слово-текст, наборы ключевых слов-текстов, грамматически оформленные неоднословные предложения-тексты, осложненные предложения-тексты, развернутые тексты.

Пример.

- (1) Говорят, ТФ поедет в Турцию.
- (2) Да, не слышала, не знаю. *А когда она поедет?*
- (3) Точно не знаю, но вроде, *в субботу.*
- (4) *На выходные...* Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород...

Приведенный пример хорошо иллюстрирует особенности деривационного – диктумно-модусного – развития текста. В данном коммуникативном фрагменте, композиционно организованном в форме диалога, в первой реплике содержится мотивирующее суждение *ТФ поедет в Турцию*, являющееся суппозицией и обладающее деривационным потенциалом. Носителем деривационного потенциала текста (1) является предикат *поедет*, о чем свидетельствует текст (2). Этот потенциал реализуется в *деривационных вариантах текста* – тексте (2), тексте (3) и тексте (4) по линии семантики, прагматики и синтактики, при этом налицо явление *цепочечной деривации*, когда каждый последующий деривационный текст мотивируется предыдущим (см. схему):

Охарактеризуем деривационные преобразования исходного текста (текста 1):

- на уровне семантики: наблюдается усложнение «первичного» текста (1) за счет актуализации такого фациенса, как темпус – *когда* (текст 2), *в субботу* (текст 3), который находит продолжение в тексте (4) в виде родового темпуса *в выходные*;
- на уровне прагматики: наблюдается усложнение первичного текста (1) за счет актуализаций дополнительных прагматических смыслов незнания *Да, не*

слышала, не знаю (текст 2), неуверенности *Точно не знаю, но вроде* (текст 3), иронично-оценивающего характера *Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород* (текст 4);

– на уровне синтактики: наблюдается усложнение первичного текста (1) за счет актуализации вопросительных метареферентов³ *А когда она поедет?* (текст 2), которые находят свое развитие в регистрирующих *Точно не знаю, но вроде, в субботу* (текст 3) и комментирующих метареферентах (текст 4) *Повезло. Кто-то в Турцию, а кто-то на огород.*

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что признание деривационной функции внутренней формы текста сопряжено с осознанием ее самостоятельного статуса как билатеральной сущности, обладающей формой и содержанием. В таком случае внутренняя форма текста есть представитель текста в единстве его формальной и содержательной сторон в актах его функционирования. Деривационный потенциал внутренней формы текста определяется ее внутренними противоречиями, обусловленными ее отражательной и знаковой (условно-технической) природой, и реализуется в тексте как субъекте текстопорождающей деятельности адресанта и адресата – основных структурообразующих компонентов коммуникативной ситуации. Поднимаемая в статье проблема деривационной специфики внутренней формы текста носит постановочный характер. Безусловно, некоторые положения нашей концепции нуждаются в историко-лингвистическом (теоретическом) и экспериментальном подтверждении, которое составляет ближайшую перспективу исследования. Между тем уже сегодня можно констатировать тот факт, что выделение и осознание внутренней формы текста как носителя потенциала его деривационного развития в конечном счете позволяет расширить горизонты деривационной текстологии, включив в ее проблемное поле вопросы определения границ текста как *новой* единицы, сущности и статуса текста как «непроизводной» (самостоятельной) и производной единиц, способных вступать в деривационные отношения на различных уровнях деривационной системы (уровне деривационной цепочки, типа, гнезда, парадигмы), участия текста в непрерывном деривационно-мотивационном процессе и пр. Решение перечисленных вопросов – дело будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, с точкой зрения, в соответствии с которой носитель языка имеет дело лишь с формой языковой единицы, которой приписывает то или иное значение (содержание) [10, 11].
² О необходимости дифференцировать две функции языка – внешнюю и внутреннюю – в философско-методологическом плане говорит И.В. Харитоновна [12]. Оппозиция внешней и внутренней функции языка, сопряженная с оппозицией *внешняя и внутренняя форма текста*, носит условный характер, их отношения можно описать в рамках принципа дополнительности, согласно которому «для воспроизводства в знаковой системе целостного явления необходимы взаимоисключающие, дополнительные классы понятий» [13].
³ Под метареферентом мы понимаем способ формирования и формулирования мыслей [34].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984. 56 с.
2. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
3. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковленной детерминации // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 1998. С. 65–84.
4. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982. С. 20–29.
5. Мельник Н.В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персоноцентрический аспекты. Кемерово, 2011. 403 с.

6. Прокудина И.С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции текста (на материале студенческих рефератов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2009. 25 с.
7. Сайкова Н.В. Взаимодействие текста и слова в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 163 с.
8. Трубникова Ю.В. Лексико-деривационные основания моделирования текста. Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2008. 180 с.
9. Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2002. 30 с.
10. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
11. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М. : Симпозиум, 2007. 510 с.
12. Харитонова И.В. Системное исследование языка: философско-методологический аспект : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2004. 305 с.
13. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. М., 1979. 303 с.
14. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 04.11.2012).
15. Мыркин В.Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности // Вопросы языкознания. 1986. № 3. С. 54–61.
16. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5–33.
17. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
18. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М. : Индрик, 1998. 236 с.
19. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
20. Серебренников Б.А. Общее языкознание. М. : Наука, 1970. 597 с.
21. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. ; общ. ред. Г.В. Рамишвили ; послесл. А.В. Гулыги, В.А. Звезгинцева. М. : Прогресс, 2000. 400 с. URL: <http://lib.rus.ec/b/325096/read#t2> (дата обращения: 04.11.2012).
22. Бринев К.И. Внутренняя форма слова как носитель потенциала его деривационного функционирования : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 144 с.
23. Голев Н.Д., Сайкова Н.В. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : сб. ст. / под общ. ред. В.А. Пищальниковой. Барнаул, 2001. Вып. 3. С. 20–27.
24. Ионова С.В. Внутренняя форма текста и способы ее экспликации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2007. № 6. С. 14–20.
25. Потембя А.А. Мысль и язык. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/poteb/index.php (дата обращения: 12.10.2012).
26. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. 608 с. URL: http://society.polbu.ru/alekseev_philosophy/ch46_ji.html (дата обращения: 28.10.2012).
27. Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2003. 442 с.
28. Бибихин В.В. Принцип внутренней формы и редуционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М., 1978. С. 52–69.
29. Блинова О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.
30. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982. 157 с.
31. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск : ТГУ, 1973. 432 с.
32. Богданова Л.И. Внутренняя форма слова и способ мирозидения // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.) : труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 207–208.
33. Резанова З.И. Внутренняя форма слова как объект метаязыковой рефлексии в условиях чат-коммуникации. URL: <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/01/image/78-85.pdf> (дата обращения: 04.12.2012).
34. Штильная Н.Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинения по картине В.А. Серова «Девочка с персиками») : дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 168 с.
35. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. URL: http://homepages.tversu.ru/~ips/5_02.htm (дата обращения: 13.10.2012).
36. Янцевацкая М.Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских дериватологов) // Актуальные направления региональной лингвистики и истории Сибири : материалы Всерос. науч. конф. «Говоры и разговорная речь» (март 1991 г.). Кемерово : КемГУ, 1992. С. 4–33.
37. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования (Русское производное имя). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
38. Шахнарович А.М., Гараева Л.И. Порождение и восприятие производного слова // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. М., 1995. С. 3–10.
39. Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеолога) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтай. ун-та, 2009. Ч. 1. С. 7–40.
40. Шнет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М. : УРСС Эдиториал, 2006. 216 с.
41. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 25 с.
42. Демьянков Д.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. С. 31.
43. Виноградов В.В. О формах слова // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
44. Голев Н.Д., Шкуропацкая М.Г. Спецификация и деривационное слово в системе понятий деривационной лексикологии. URL: <http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/golev.pdf> (дата обращения: 15.10.2012).
45. Чернявская В.Е. Когнитивная лингвистика и текст : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. П. Котюрова. Пермь : Перм. ун-т, 2005. Вып. 9. С. 283–289.
46. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М. : Наука, 1992. 168 с.
47. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Baht_PrT.php (дата обращения: 04.11.2012).
48. Коливанский Г.В. От предложения к тексту // Сущность, развитие и функции языка. М. : Наука, 1987. С. 37–43.
49. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. URL: http://psycholinguistik.narod2.ru/istoriya/saharnii_leonid_volkovich/saharnii_k_tainam_misli_i_slova/saharnii_teksti-primitivi/

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 апреля 2013 г.